

О БЕДНОМ ЖАНДАРМЕ ЗАМОЛВИТЕ СЛОВО...
ОЧЕРК 4: УБИЙСТВО НА ЧЕРНОМ МОСТУ

Вечерело. Пролетка мягко катилась вперед по чавкающей грязию грунтовке. Ротмистр Петр Васильевич Аргамаков, начальник брянского отделения Московско-Киевского жандармского полицейского управления, дремал. День 26 марта 1907 года выдался у него хлопотным. Причем хлопоты оказались по большей части пустыми... Сначала учения с унтер-офицерами на станции Брянск-Льговский, потом поездка «по делам службы» (на самом деле – плановая встреча с секретным сотрудником) на станцию Синезёрки. Агент попался глупый, и ничего путного по делу Брянского комитета Всероссийского железнодорожного союза сообщить не смог. Впрочем, для суда собранной доказательной базы вполне достаточно...

Пролетка, между тем, приближалась к Брянску. Осталось переехать Чёрный мост через реку Десну, добраться до квартиры и лечь спать... Краем глаза Аргамаков увидел метнувшуюся неясную тень, затем одну вспышку, вторую, и все погрузилось в темноту...

***

Кучер Сергей Черняев сразу обратил внимание на неизвестных, шедших навстречу его пролётке. Один из них шел по одной стороне моста, второй – по противоположной. Это сразу показалось Черняеву подозрительным, и он подхлестнул свою лошадь. Оба неизвестных метнулись наперерез пролётке, раздались выстрелы. Испуганная лошадь понесла. Выстрелы загремели уже вдогонку. Подвывая от страха, Черняев хлестал и хлестал кобылу, и натянул вожжи только на другом конце моста. Кучер оглянулся назад. Убийц не было видно. Тело Аргамакова осело, вывалилось из пролетки и упало прямо в весеннюю грязь.

Черняев заколотил в дверь сторожевой будки:

- Откройте! Откройте!!

На крики никто не отозвался. Будка казалась покинутой. Даже огонька внутри не было видно. И только дверь, запертая изнутри, выдавала присутствие людей.

Черняев заколотил кнутовищем в окно:

- Открывайте! Тут человека убили!

Щелкнул засов, на пороге появился сумрачный сторож со старой «берданкой»:

- Ну? Что случилось?

- Человека убили... Важного человека убили... - залепетал Черняев.

***

Два человека сидели в кустах и считали выстрелы:

- Семь... Восемь... Девять... Десять... Почти по полному барабану выпустили...

- Да... Не думал, что НАШ решится на такое...

- Ты второго рассмотрел?

- Где там! С дороги ни зги не было видно. А на мост полезть... Хорошо, что не полезли... Бог миловал...

Один из собеседников истово перекрестился, шепча: «Свят, Свят». Второй, помедлив, последовал его примеру.

- Поглядим, что там?

- Погляди, раз такой смелый! А по мне, так соваться не с руки. У них еще пули две или четыре в барабанах остались. Как раз на нас хватит.

- Как ты думаешь, кого это они?

- Главное, не нас. Давай выбираться отсюда, кум...

***

- Так что ж, ты, скотина, барина не повёз?

- Ей Богу, лошадь устала Ваше Высокоблагородие.

(Допрашиваемый таким образом пытался подольстить исправнику, который был простым Благородием.)

- Ах, лошадь!

Хрясть! Полицейский исправник Буйницкий дал допрашиваемому хорошую затрещину. Голова допрашиваемого дернулась из стороны в сторону. Помощник исправника Мингин демонстративно отвернулся. Судебный следователь Шеляховский поморщился. И только жандармский ротмистр Куприянов, помощник начальника Орловского губернского жандармского управления по Брянску, остался равнодушен к происходящему. Он в это время осматривал тело убитого коллеги.

Пролётки, на которой ехал убитый, уже не было, но Черняев стоял тут же в качестве допрашиваемого свидетеля, переминался с ноги на ногу и с опаской поглядывал на исправника.

Буйницкий продолжал терзать кучера Ефима Лушина, подозреваемого в соучастии в произошедшем убийстве.

- Тебя, морда, вахмистр подряжал начальство отвозить?!

Лушин утвердительно качнул головой:

- Вахмистр... Да... Подряжали, Ваше Высокородие...

- Почему не повез?!

- Лошадь устала...

Хрясть! Влетела новая затрещина. Голова Лушина дернулась слева-направо. Буйницкий схватил его за армяк, и начал трясти как тряпичную куклу:

- Говори, кому сказал, что начальство повезешь?! Кто к тебе подходил?

- Никто, Ваше Благородь... Ой, отпустите!

- Кто к тебе... Посмотри мне в глаза... В глаза смотреть, скотина! Кто тебе сказал, что на мосту будет стрельба?

- Христом Богом клянусь... Ваше Высокородь... Ни сном, ни духом...

- Сколько тебе... В глаза смотреть! Сколько тебе злодеи денег заплатили, чтобы ты сказал, когда поедет начальство!

- Никто, никто не пла...

Хрясть! Новый удар.

- Так почему же ты не повез его, морда!

- Лошадь устала... Ой, отпустите, Ваше Высокородь, больно!

Буйницкий отбросил Лушина и тот полетел в весеннюю грязь. Повернувшись к жандармам, исправник указал на упавшего извозчика:

- Взять!

Два жандармских унтер-офицера подскочили к Лушину и стали поднимать его с земли, Лушин, едва поднявшись, вырвался из рук унтер-офицеров и снова повалился в грязь в ноги к Буйницкому с криком: «Барин, не губи!» Опешившие было жандармы схватили его за руки и оттащили в сторону, к пролетке, на которой приехали господин исправник с помощником. Один из них прицельно ударил задержанного в щиколотку мыском сапога. Лушин заорал, и тут же задохнулся от удара «под-дых», который нанес ему второй жандарм. Убитого Аргамакова они искренно уважали.

Буйницкий отвернулся от этого «эксцесса исполнителей», и подошел к убитому ротмистру, тело которого Куприянов укрывал форменным пальто.

- Что говорят ваши служащие? – подобострастно спросил Буйницкий жандармского ротмистра.

- Наши служащие говорят, что ротмистр Аргамаков приезжал к ним проводить учения в виду ожидающегося смотра, - суховато ответил Куприянов, - и что проследить его было легко, так как он не поехал «с передачей», поездом, то неминуемо должен был возвращаться по Чёрному мосту.

- У вас есть какие-то соображения по поводу мотивов убийства.

- Ротмистр Аргамаков провел несколько арестов и разгромил местный комитет железнодорожного союза в Льговском поселке. Вот вам и мотив...

- Ваши служащие подозревают кого-либо?

Куприянов вздохнул и стал по памяти называть фамилии...

***

Следующий час ротмистр Куприянов мог видеть необычайную активность исправника Буйницкого.

Тело убитого было, наконец, отвезено в Брянскую больницу, в морг.

Кучер Сергей Черняев был на всякий случай арестован вслед за Лушиным.

Льговский поселок был оцеплен вооруженными стражниками. Полицейские и жандармы под руководством Буйницкого и Мингина перевернули вверх дном квартиры подозревавшихся в убийстве рабочих железнодорожного депо Водопьяна, Николаенко, Ольховика, Бернадского. И хотя не было найдено ни оружия, ни подрывной литературы, ни конспиративных документов, Буйницкий арестовал Николаенко и Бернадского за то, что они были в этот день на Льговском вокзале у поездов и путались в показаниях о времени возвращения домой. А Бернадский даже уезжал «с передачей» на Рижский вокзал...

Посмотрев на все это, Куприянов уехал к себе в Брянск. У него возникло стойкое ощущение, что активность Буйницкого ничего не даст. Но, по крайней мере, за это направление расследования беспокоиться не стоит. Ретивый исправник все раскопает и все проверит.

Но где же искать ниточку, ведущую к террористам?

***

В то время, когда у Чёрного моста происходили описываемые события, на другой стороне города Брянска, на Орловском вокзале в комнату жандармского пункта, в котором одиноко сидел дежурный унтер-офицер Романович, постучались два неприметных человека.

- Здравствуйте, господин унтер-офицер. Позвольте представиться: я - Сергей Иванов, а это - Петр Линёв. Мы агенты Московской сыскальной полиции. Вот наши документы.

Внимательно прочитав удостоверения и поглядев паспорта, Романович приветливо указал посетителям на стулья:

- Чем могу служить, господа?

- Нет, это мы хотим оказать содействие жандармскому розыску. Мы слышали, что вчера вечером на Чёрном мосту был убит жандармский ротмистр Аргамаков...

- Так. Я весь внимание.

- Мы приехали сюда по командировочному предписанию господина советника Дмитрия Ивановича Моисеенко, - начал Иванов и запнулся, заметив, как поморщился жандармский унтер-офицер: слухи о непрерывных кутежах начальника Московской сыскальной полиции доходили даже до Орла, - То есть, предписание действительно подписано Моисеенко... Но нас послал чиновник по особым поручениям Стефанов. Он поручил нам следить за одним лицом, принадлежащим по секретным сведениям к московской партии анархистов-коммунистов. Указанное лицо было прослежено нами до Брянска. Вчера мы видели это лицо у Чёрного моста. В каком часу произошло убийство вашего ротмистра?

- Вы были свидетелями убийства? – вскинулся Романович.

- Я бы так не сказал... Мы просто предполагаем, что наблюдали подозрительных лиц незадолго до убийства на месте будущего убийства. Но чтобы точно это утверждать, нам нужно сравнить время, - очень обтекаемо сформулировал Линёв.

Унтер-офицер Романович внимательно посмотрел в глаза собеседника. Но глаза Линёва выражали детскую невинность.

- Выстрелов мы не слышали, и об убийстве узнали только сегодня, - в свою очередь вставил Иванов.

- Убийство произошло примерно в восемь часов двадцать минут вечера, - четко произнес унтер-офицер.

- Мы видели наблюдаемого около восьми часов. Правда? – обратился Иванов к напарнику.

- Да, точно, - подтвердил Линёв, - Причем, кроме наблюдаемого, там был еще один. Неизвестный.

- И вы можете их опознать?

- Своего наблюдаемого можем. Второго – вряд ли...
- И выступите со свидетельствами в суде?
- Выступим.
- Так. А что это за лицо, и как нам его найти?

- Для этого мы и появились здесь. Наблюдаемый жил возле Киевского вокзала, но часто навещался на Брянский завод в Бежицу. Следовательно, он может появиться в ближайшее время на вашем вокзале.

Сердце Романовича учащенно забилося. Если сегодня ему повезет, он сможет рассчитывать и на повышение, и на награду. Схватить предполагаемого убийцу ротмистра – это же дело!

- В подобном случае сообщите мне подробные приметы подозреваемого лица...

***

Жандармское дело – кошачье. Раз – и цап! Но перед этим «цап» есть еще часы, когда кот сидит в полной неподвижности перед мышьиной норой. Зябкое от природы существо, кот не замечает мороза, когда мышкует во дворе. От охотничьего азарта.

Подобно мышкующему коту, унтер-офицер Романович не замечал весеннего холода. Мерно прохаживаясь по то по одной платформе, то по другой, он произносил про себя: «Не тот, не тот, не похож, совсем не совпадает», просеивая глазами толпу пассажиров. В животе урчало. Но Романович не рискнул покинуть платформу: а вдруг во время его отсутствия появится подозреваемый? В шесть часов вечера его рвение было вознаграждено сполна: во время стоянки поездов № 2 и № 21 и «передаточного» поезда № 303, Романович заметил на площадке поезда № 2 еврейчика лет восемнадцати-двадцати, идеально подходящего под описанный ему словесный портрет.

Романович быстро подошел к вагону:

- Эй, господин хороший, пройдемте со мной!

Еврейчик дернулся к противоположной двери площадки, но она оказалась запертой, метнулся внутрь вагона, но уткнулся в грудь вышедшего на голос Романовича проводника. Романович взлетел вверх по ступеням площадки и в следующее мгновение завернул еврейчику руку приемом «джиу-джитсу»...

Посмотреть на задержанного подозреваемого сошлась вся дежурная смена из трёх унтер-офицеров и вахмистра. Романович, деловито охлопывая карманы еврейчика, последовательно извлек: «браунинг» с одной обоймой, коробку с семьюдесятью пятью патронами, отдельную коробочку с порошком и надписью «От перхоти», несколько писем и бумаг, паспорт. Жандармский вахмистр, начальник пункта, записывал каждую извлеченную вещь в протокол. Ствол «браунинга» он понюхал, и что-то пометил в протоколе, порошок от перхоти повертел в руках и осторожно определил в сейф рядом с браунингом (а вдруг взрывчатка), а каждую бумажку вписал отдельно.

После этого Романович пригласил в комнату Иванова и Линёва, и, не раскрывая их личности и служебного положения, произнес:

- Узнаете ли вы представленного вам человека, господа хорошие?

Московские розыскные агенты, как и было заранее обговорено, блестяще сыграли роли недалеких городских обывателей:

- А как же, Ваше Благородие, его мы видели вчерась на Чёрном мосту, - коверкая речь, сказал Иванов.

- Был он там, Ваше Благородие, - поддакнул Линёв, - а потом стреляли на мосту... Много... Оу!

Иванов зло пнул проговорившегося напарника в щиколотку. Но унтер-офицеру Романовичу было не до них. Он внимательно смотрел на задержанного.

Задержанный поник головой.

***

В это время раздался шум, и в комнату ворвался жандармский ротмистр Куприянов. Вахмистр вскочил для доклада, но ротмистр остановил его жестом «не надо». Куприянов подошел в плотную к задержанному, в упор глянул на него:

- Этот!

- Так точно, Ваше Превосходительство! – унтер-офицер Романович лучился от счастья, - Задержан мною по подозрению в соучастии в убийстве господина ротмистра Аргамачева!

- Молодец! Подтвердится – получишь награду. А это кто?

- Свидетели. Опознали преступника!

- Протокол опознания подписан?

Иванов и Линёв по очереди поставили свои подписи под бумагой, составленной вахмистром. После это Иванов как-то незаметно оказался рядом с Куприяновым, и тронул его за рукав форменного пальто:

- Можно злоупотребить Вашим вниманием, Ваше Превосходительство?

Они отошли в угол комнаты, Иванов начал показывать ротмистру свои документы и что-то зашептал на ухо. До унтер-офицеров донеслось только «сохранить конфиденциальность». После чего два агента как-то незаметно улетучились из комнаты.

Вахмистр поспешно убрал вещественные доказательства со стола, уступая его начальству. Куприянов утвердился за столом, достал бланк протокола:

- Фамилия, имя, отчество!

- Паспорт у вас...

- Порядок есть порядок. Отвечайте на мои вопросы. Итак: фамилия, имя, отчество!

- Фроим Мошеш Краснощёк.

- Сколько вам полных лет!

- Восемнадцать...

- Вероисповедание!

- В бога не верю...

- Можете не верить господин революционер, ваше дело такое – ни во что не верить...

Но скажите: проходили ли вы в своей жизни обряд крещения или, может быть, обрезания? А может, конфирмацию? – в тоне Куприянова явно сквозил сарказм.

- Ладно, пишите «иудей»...

- Происхождение и народность!

- Мещанин. Из евреев.

- Место рождения!

- Киевская губерния, Родомысльский уезд, местечко Чернобыль.

- Признаете свое участие в убийстве, произошедшем прошлым вечером на Чёрном мосту?

- Не признаю.

- А это что? – Куприянов извлек из сейфа «браунинг», - Эта игрушка найдена у вас при свидетелях; - Куприянов прочитал что-то в протоколе вахмистра, и в свою очередь понюхал ствол, - О, стреляный! И судя по запаху, стреляный несколько часов назад.

- Не докажете!

- Почему не докажем? Вот протокол опознания – вы были на Чёрном мосту в то время, когда произошло злодеяние, вас опознают два свидетеля. И револьвер* у вас стрелянный... А вот и господин исправник пожаловали!

На пороге жандармского пункта стоял исправник Буйницкий.

- Присоединяйтесь, господин исправник, вы как раз во время...

Буйницкий буравил Краснощёка своими маленькими глазками...

***

В четыре часа утра 30 марта пять конных вооруженных стражников тихо окружали домишко, стоявший в самом конце Львовского поселка прямо у леса. Вслед за стражниками шли два жандармских унтер-офицера и помощник исправника Мингин. Стражники отрезали

домишко от леса, по знаку исправника спешили и взяли «драгунки» на изготовку. Один из унтер-офицеров принял поводья лошадей, второй подошел к Мингину.

- Так это тот дом, Захаров? – спросил помощник исправника, - Не ошибаешься?

- Как можно, Ваше Благородие... Туточки Краснощёк квартировал со своим дружкой...

- Ну, пойдем тогда...

- Пойдемте, Ваше Благородие.

Они подошли к дому, начали стучать в дверь:

- Хозяева! Открывайте, полиция!

Дом оставался мертвым и безжизненным.

Захаров подошел к окну, и застучал:

- Иван! Лобачев! Открывай, не шали! Это я, Захаров, со мной – полиция!

Раздался стук, и распахнулось задняя дверь. Мингин и унтер-офицеры поспешили туда.

На пороге стоял и настороженно смотрел на пришедших хозяин дома, Иван Лобачев, дворник при вокзале. На жизнь этот человек зарабатывал тем, что мёл за извозчиками мусор и конский навоз, остающийся на площади перед вокзалом.

- Почему не открыл вход с крыльца? – сурово спросил Мингин, - Есть ли в доме посторонние?

- С крыльца не ходят, - начал кланяться хозяин, - Пожалуйста в дом... Там... найдете...

Полицейский и жандарм протиснулись в маленькую освещенную переднюю (но в данном случае заднюю) комнату, даже не уточнив у хозяина, что они должны найти. В остальном доме света не было. Все остановились, чтобы дать хозяину зажечь свет. Чиркнула спичка, и Мингин увидел в неясном свете керосиновой лампы молодого человека в черной короткой куртке, стоявшего в проеме двери. Тот моментально выстрелил в унтер-офицера Захарова, оказавшегося к нему ближе всех. Захаров кинулся на террориста, лампа погасла. В темноте раздалось еще несколько выстрелов. Ноги сами собой вынесли Мингина на улицу. Раздались винтовочные выстрелы. В первый момент помощник исправника подумал, что стражники стреляют в него, и, охнув, рухнул на живот, прикрывая руками голову. Кто-то перепрыгнул его, и помчался к лесу. Мингин сообразил, что преступник выбежал следом за ним, и стражники открыли по нему огонь. Он приподнялся, и, стараясь перекричать выстрелы, закричал:

- Живым бери гада! Живым!!

Он увидел, как стражники Куракин и Тарабаров выстрелили практически одновременно, и человек упал на стылую землю. Мингин бросился к раненому, стал судорожно чиркать спичками. Наконец, на третьей спичке ему удалось осветить лицо и фигуру. Сомнений не было: черная короткая куртка, юное лицо почти лишенное растительности – это был человек, стрелявший в Захарова. Жив ли он? Дышит... Помощник исправника обыскал карманы лежащего. Так. Несколько писем... Паспорт... Зажегши пятую спичку, помощник исправника разобрал: «Климов Сергей Иванов»... Спичка погасла. А это что? Запасная обойма. Снаряженная... Да! Оружие! Оружие где?! На земле у тела лежал револьвер «маузер», обойма вставлена.

- Пахомов! – подзвал Мингин оставшегося унтер-офицера, - Перевяжи, а потом свяжи этого молодца! А то не дай Бог окочурится, или, того хуже, очнется и сбежит...

Второй жандармский унтер-офицер чертыхнулся, и стал поспешно привязывать лошадей к соседскому забору.

Между тем стражники окружили домишко Лобачева и изготовились стрелять.

- Отставить черти! – закричал помощник исправника, - Захаров остался в доме!

Как будто бы в ответ на его слова из дома разнеслось «Не стреляйте!», и с порога задней двери сполз Захаров. Мингин вдвоем со стражником Куракиным подхватили раненого унтер-офицера под мышки (тот довольно громко охнул) и оттащили от дома.

- Куда?

- В плечо...

- Пахомов! Перевяжи... кхм... гм... Захарова... - («Господи Помилуй, из-за этих «товарищей» собственного соратника уже товарищем нельзя назвать!») – Гапонов! Бери лошадь, скачи на вокзал! Дашь оттуда вот эту телеграмму, - (Мингин черкнул несколько слов на листке, вырванном из записной книжки), - господину исправнику, понял! Буйницкому! Повтори!

- Отправить телеграмму господину исправнику Буйницкому.

- Так. И пришлешь сюда двух извозчиков. Скажешь – я приказал.

Один из стражников ускакал в ночь.

***

Прошло два часа. Четыре стражника, унтер-офицер и помощник исправника оцепили дом со всех сторон. Раненые были увезены: Захаров – в приемный покой железной дороги, а Климов – в Брянский лазарет. Из дома никто не выходил, он казался вымершим и покинутым.

Вдруг в домике гулко прогремел взрыв, из окон на лицевой стороне повывлетали стёкла. Стражники изготвились к стрельбе, но больше ничего не происходило.

Светало. К домику подъехало несколько колясок, из которых вышли исправник Буйницкий, ротмистр Куприянов и следователь Шеляховский. Их сопровождали два десятка вооруженных стражников и жандармские унтер офицеры, которые тут же стали окружать дом.

Но не успел Буйницкий, подняв рупор, объявить засевающим в доме террористам ультиматум, как из окна вылетел и упал к его ногам «браунинг», а следом на пороге появился хозяин дома:

- Не стреляйте, Ваше Высокоблагородие! Выпустите, ради Христа! А оружия у меня нет, нет оружия!

- Выходи! С поднятыми руками!

Вслед за хозяином из дома вышли две бабы. Старшая – с зареванным лицом, младшая – белая, как мел.

- Террористов привечал, - ласково сказал Лобачеву исправник Буйницкий, беря его за бороду, - С ними вместе убийство злоумышлял, сволочь!

Старшая баба завывала в голос.

- Ни сном ни духом, - залепетал Лобачев, - комнату я сдавал, комнату, двум людям... Приходили, уходили, у них свои дела, у меня – свои...

- Браунинг твой?

- Мой. Куплен для защиты дома и семьи. А так я и пользоваться не умею...

- Взрыв в твоём доме отчего произошел?

- Не знаю... В подполе что-то рвануло... Наверное, квартиранты бомбу принесли... А я что... Я ничего не знал, Ваше Благодородие... Мое дело – сторона... Комнату сдавал... За деньги...

***

Ротмистру Куприянову надоело созерцать, как борода Лобачева совершала вращательное движение в кулаке исправника, и он вошел в дом. Его взору предстала перекобоченная печь. Было ясно, что именно здесь, а не в подполе, произошел взрыв. Явно освободились от улик. О! Кажется, «товарищи» собирались повеселиться от души! Вот две железные палки. Вполне подходят под определение холодного оружия.

Куприянов кликнул своих унтер-офицеров. Подчиненные Куприянова тут же занялись обыском всех помещений. Скоро на стол легли: бомба в виде параллелепипеда 9×6×7 сантиметров, пироксилиновая шашка, револьверные патроны (отдельно легли стреляные гильзы), деревянная палка с чугуном острием и программа анархо-синдикализма. Корзина, ременной пояс и картуз не заинтересовали ротмистра.

- Ну что же, похоже, дело закончено, - сказал он следователю Шеляховскому.

- Я, пожалуй, отпущу Черняева и Лушина, - сказал, следователь.

- Конечно... Не возражаю.

- И поеду допросить задержанного Климова.

- Хорошо. Но сначала выпишите ордер на арест Лобачева, его жены и племянницы.

- Все то вы знаете, - тонко улыбнулся Шеляховский.

- По должности положено... Да я просто нашел их паспорта в комод! – улыбнулся Куприянов, - Вот, извольте видеть: вид на жительство Ивана Лобачева, вид на жительство его жены Марфы и его племянницы Авдотьи Поляковой. Все три просрочены.

Шеляховский сел за стол, и начал заполнять соответствующие бланки. В этот момент в дом вошел унтер-офицер четко отдал честь и что-то зашептал Куприянову. Куприянов повел бровями и нахмурился.

- Можете не спешить, - обратился он к Шеляховскому, отпустив подчиненного, - Климов умер только что в лазарете...

- Но преступление считается раскрытым?

- Раскрыто. Осталось написать рапорта...

***

Однако окончательно дело об убийстве ротмистра П.В. Аргамакова было закрыто только после ликвидации Московской сыскальной полицией совместно с Орловским ГЖУ Брянской федеративной группы анархистов коммунистов. Произошло это только через год, после убийства в апреле 1908 года другого полицейского чина – пристава Брянского завода М.А. Цешковского.

* до революции в России пистолеты называли «револьверами».